DOI: 10.17976/jpps/2022.03.02

# ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

**М.В. Ильин, В.Д. Нечаев**

**ИЛЬИН Михаил Васильевич**, доктор политических наук, профессор, руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований, ИНИОН РАН; профессор, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"; профессор, МГИМО МИД России, email: mikhaililyin48@gmail.com; **НЕЧАЕВ Владимир Дмитриевич**, доктор политических наук, профессор, ректор, Севастопольский государственный университет, email: vdnechaev@rambler.ru

Ильин М.В., Нечаев В.Д. 2022. Вызовы и перспективы изучения Большого Средиземноморья. *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 8-23. https://doi.org/10.17976/2022.03.02

Работа выполнена в рамках ГЗ ИНИОН РАН.

*Статья поступила в редакцию: 08.12.2021. Принята к публикации: 28.02.2022*

**Аннотация**. В статье выдвинут и обоснован междисциплинарный эволюционный подход к изучению пульсирующих и расширяющихся пространственно-временных феноменов социального развития, или месторазвитий, на примере Большого Средиземноморья. Анализируются способы объединения пространственных и временных подходов в региональных исследованиях, получивших – после броделевского поворота к междисциплинарному изучению цивилизационных комплексов в расширенном диапазоне большой длительности – дальнейшее развитие в рамках мир-системного анализа, в рокковановском концептуальном картировании и в новом регионализме. Предложена собственная методология комплексной регионалистики на примере Большого Средиземноморья. Для изучения регионов как ключевой разновидности земных миров эпохи антропоцена, сходных, с одной стороны, с планетными сферами, а с другой – с малыми месторазвитиями, авторы используют принципы фрактального самоподобия. Эта методология позволяет изучать не только интегральную эволюцию пульсирующего и расширяющегося регионального пространства-времени, но и его отдельные слои и параметры. В частности, авторы предлагают три возможные аналитические проекции целостного пространственно-временного феномена: шурф во времени, моментальный снимок и дерево событий. Статья завершается рассмотрением возможностей использования концепции Большого Средиземноморья и методологии нового регионализма в конкретных политических исследованиях, включая политическое самоопределение Крыма, государственное строительство Федерации Боснии и Герцеговины и послевоенную реконструкцию на Украине.

**Ключевые слова**: Большое Средиземноморье, Бродель, Средиземноморье (*la Méditerranée*), Средиземноморский мир (*le Monde méditerranéen*), мир-системный анализ, концептуальное картирование, новый регионализм, новая регионалистика, эволюционный подход, пространство-время, фрактал, месторазвитие, земные миры, геосфера, биосфера, антропосфера, шурф во времени, моментальный снимок, дерево событий.



Статья не вписывается в привычные дисциплинарные рамки. Она не просто является междисциплинарной, но претендует на пандисциплинарное продвижение эволюционного подхода к комплексным феноменам социального развития, которые порой именуются *месторазвитиями*. Последовательное проведение данного подхода заставляет критически переоценить опыт, болевые точки и возможности обновления регионоведения, страноведения и даже

краеведения. Это, в свою очередь, предполагает теоретико-методологический и даже эпистемологический поворот анализа и рассуждений. А сверхзадачей становится обоснование необходимости существенных изменений комплексных региональных исследований за счет разработки способов избежать чреватой ошибками редукции сложных многомерных феноменов только лишь к плоским проекциям узкого географического, политического, экономического, демографического или иного свойства.

Оба автора – ученые-политологи, однако одного движут еще занятия перспективными методологиями социально-гуманитарных исследований, а другого – опыт руководства тремя разноплановыми, но по-своему крайне инновационными университетами. Так что междисциплинарный и методологический крен статьи не случаен и оправдан. Вместе с тем статья в политологическом журнале вполне естественно требует сугубого внимания к политической проблематике и фактуре.

Большое Средиземноморье (*Greater Mediterranean*) – это феномен, который больше и содержательно богаче, чем традиционно понимаемый регион. Это не произвольная новация и не игра словами. Тем более это не попытка произвольно раздвинуть традиционные рамки региона, добавив новые пространства за пределами нынешних политико-административных границ. Нас мотивируют куда более серьезные соображения методологического порядка. Речь идет о новой трактовке – углубленной и расширенной – не только собственно Средиземноморья, но и самого феномена региональной целостности, а с ним и всей сферы его научного познания. Фактически своей задачей мы считаем завершение концептуального сдвига, намеченного Фернаном Броделем в классическом труде "*La Méditerranée et le Monde Méditerranéen a l'époque de Philippe II*" [Braudel 1949], который должен привести к решительному обновлению регионалистики.



**БРОДЕЛЕВСКИЙ ПОВОРОТ**

В названии труда Броделя соседствуют два дополняющих друг друга термина, понятия и стоящие за ними феномены. Одно привычное – *la Méditerranée. Это и побережье Средиземного моря с примыкающими пространствами моря и суши, и соответствующий регион. Другое непривычное – le Monde méditerranéen*. Этот термин Бродель использует, чтобы хотя бы зыбко для начала наметить новое и более сложное понятие, предложить новый интеллектуальный инструмент для осмысления качественно более сложного феномена – не просто региона, а сложного единства напластований разных времен и пространств.

Бродель настаивает, что серьезно и основательно заниматься конкретной историей, например эпохи Филиппа II, можно лишь при условии предварительного расширения и соединения времен и пространств, с учетом больших пространств и долгих времен (*les grands espaces et le temps long*). Он пишет: "Поставить человеческие проблемы так, как они явлены в пространстве и по возможности в картографировании (*tels qu'on les voit étalés dans l'espace et si possibles cartographiés*), в осмысленной человеческой географии (*une géographie humaine intelligente*), где они представлены в прошлом с учетом времени (*compte tenu du temps*), отделить географию от той нацеленности на нынешние реальности (*cette poursuite des réalités actuelles*), которая исключительно или преимущественно используется, чтобы навязать прошлым реальностям соб-

ственный дух и способы представления (*avec ses méthodes et son esprit*). Вместо традиционной исторической географии в духе Лоннона[1], посвященной почти исключительно изучению административно прочерченных государственных границ без оглядки на саму землю, климат, почву, растения и животных, создать действительную ретроспективную географию человечества, заставляя географов (это было бы легко) уделять больше внимания времени, а историков (это было бы труднее) – больше учитывать пространство (*à s'inquiéter davantage de l'espace*)" [Braudel 1967: 295].

Бродель предложил таким образом не навязывать прошлому свои нынешние предрассудки и отказаться от прямолинейной проекции теперешних контуров береговой линии и государственных границ, как это делал Огюст Лоннон в своем историческом атласе. Мы могли бы вспомнить двенадцатитомную "Историю СССР с древнейших времен до наших дней" (1966-1980), учебники и кафедры с похожими названиями. Вместо подобного деформирования прошлого Бродель призывает рассматривать срезы, или этажи прошлого как результаты единого процесса развития: "Как раз благодаря именно этим срезам медленной истории (*par rapport à ces nappes d'histoire lente*) можно переосмыслить всю целостность истории (*la totalité de l'histoire)* как вытекающую из единой инфраструктуры (*comme à partir d'une infrastructure*). Все эти этажи (*les étages*), все тысячи слоев, все тысячи всплесков (*éclatements* – также означает "вспышка") исторического времени можно понять из этой глубины, из этой полузастылости (*de cette semi-immobilité*). Все вращается вокруг нее" [Braudel 1969: 54].

Великий историк с трудом подбирает слова, чтобы выразить свои интуиции и назвать то, что формирует целостное единство и суть тысяч слоев и флуктуаций глубины (*cette profondeu*r). Что же он имеет в виду под глубиной и *полузастылостью*? Целостность и единство всех явленных нам напластований. Этот феномен не просто сумма "культурных слоев", а еще и нечто большее, сформировавшее и формирующее их. Фернан Бродель назвал его *le Monde méditerranéen*, т.е. всеобъемлющим и целостным миром. Подобная полнота и насыщенность этого динамически выстраивающегося феномена подкреплена темпоральным развертыванием – и не только актуально в прошлом, но потенциально в будущем.



Броделевская *полузастылость* (*semi-immobilité*) предполагает единство всех "застывших" уже напластований с их нынешней агентивностью (*agency*), с их воздействием и на становящиеся ныне явления, и на будущее. Потому это всего лишь полузастылость, т.е. застылость лишь на некую условную "половину". Другая половина подвижна и действенна. Современной науке еще только предстоит концептуализировать и операционализировать многозначность и многофункциональность данного явления.

Выборочная и поверхностная оценка усилий людей или действия природных факторов лишь в какой-то части, наполовину вместо достаточно полного учета их целостного комплекса ведет к просчетам и ошибкам. Адекватное научное познание многомерных региональных феноменов, включая и Большое Средиземноморье, требует полного учета всех сторон и параметров этих целостных "миров". Необходимо и видеть, и понимать, и эмпирически изучать подобные "миры" как пространственно-временные явления, разворачива-

[1] Имеется в виду известный историк Огюст Оноре Лоннон (1844-1911), создатель "Исторического атласа Франции со времен Цезаря до наших дней".

ющиеся и пульсирующие в эволюции, истории и современности. В нашем случае это требует радикального обновления всего когнитивного и методологического аппарата регионоведческих исследований.

**ОБНОВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛИСТИКИ**

Исследователи пространственных явлений всегда стремились отчетливо очертить предмет своего изучения. Самый простой путь – выделить ограниченное число параметров и четко определить их. Такой подход прямо противоречит только что продекларированному принципу максимальной полноты изучения региональных феноменов. Ясно, что на практике всегда приходится находить компромисс между полнотой исследования, чреватого расплывчатостью, и ясностью крайне конкретного ответа на предельно зауженный исследовательский вопрос. Каждая крайность имеет свои преимущества, но также грозит утратами. Так что приходится искать способы уменьшить потери и увеличить приобретения.

Проблема заключается в том, что для конкретных научных традиций и школ диапазоны не безграничны, а закреплены их собственными привычными практиками и установками. В силу этого ситуация совершенно различна в традиционных версиях регионалистики, в ее специально зауженных построениях и в ее расширенных и обновленных версиях.

В мейнстриме современной науки по-прежнему доминируют различные версии **традиционного плоскостного регионализма**, да еще и редуцированные к узкой субдисциплинарной проблематике. Их ключевой методологический принцип заключается в сведении изучаемых явлений к их пространственному, условно "картографическому" представлению, а его, в свою очередь, – к описанию с помощью минимального числа параметров. Это и понятно. Так обеспечивается "точность" и "конкретность" результатов. Однако эти точность и конкретность весьма относительны. Они получаются за счет исключения всех остальных параметров, которые расцениваются как незначащие – зачастую без достаточных оснований. Что касается регионов, то они обычно сводятся к столь же огрубленным контурам очерченных на современных картах пространств – примерно в духе Лоннона.



**Многомерные регионы и комплексное регионоведение**. Разумеется, что все большее число регионоведов не желает ограничиваться формально надежными, но не слишком содержательными результатами. Для них предмет изучения обладает множеством сторон и аспектов, требующих привлечения научных дисциплин от физической географии и экологии до демографии и транспортной или военной логистики. При обращении к большому числу дисциплин выделяемый пространственный феномен может моделироваться в качестве многомерного комплексного региона. При использовании одного дисциплинарного измерения эмпирическая модель превращается в узкую формально-аналитическую конструкцию плоскостного регионализма, в пределе – в плоскостную модель. Однако даже такой упрощенный регион, подлаженный под одну дисциплину или даже отдельную задачу, скажем, моделирование газотранспортных систем или электоральное картирование, не дает полного исключения некоторых базовых пространственных параметров – геоморфологии (распределения суши и моря, гор и низин), ландшафтов, климата и т.п. Их рано или поздно приходится учитывать и переходить в режим междисциплинарности. И хотя для большинства наиболее творческих и сознательных

регионоведов эффективное и глубокое изучение своего предмета является по определению комплексным и междисциплинарным, на практике это скорее идеальная установка, чем действительная ориентация. Проблема в том, что способы и средства осуществления подобной установки фактически оказываются в зависимости от конкретных исследовательских вопросов и задач.

**Дилеммы изучения комплексных мегарегионов.** Мы столкнулись с этой проблемой, как только поставили задачу разномасштабного и многостороннего изучения средиземноморского мегарегиона в его расширенном понимании [Нечаев и др. 2019] в рамках выдвинутой нами концепции Большого Средиземноморья. Наиболее полное раскрытие концепции мегарегиона предпринято в недавно опубликованных И.А. Чихаревым статьях [Чихарев 2021a, 2021b]. Вместе с тем, при всех достоинствах предложенного в них понимания мегарегиона Большое Средиземноморье, содержательное расширение осуществлено в основном за счет произвольных добавлений и уточнений преимущественно пространственных параметров.

Поиски методологической последовательности в трактовке мегарегиона, да и любого региона, заставляют обратить самое пристальное внимание на динамические и темпоральные аспекты этих феноменов. И здесь важным подспорьем становится опыт концептуального картирования Стейна Роккана вкупе с броделевским видением больших длительностей (*longue durée*), а также усилия Бьорна Хеттне, его коллег и последователей, разрабатывающих новый регионализм.

**Концептуальное картирование**. Данный подход разработал выдающийся норвежский ученый Стейн Роккан [Rokkan 1975, 1980, 1999; Tilly 1984; Ларсен 1995; Ильин, Барсукова 2019]. Его отправной точкой была простейшая, по сути плоская, электоральная картография. Свой исследовательский аппарат Роккан дополнил на первый взгляд неожиданными характеристиками изучаемого пространства, в основном исторически привносимыми людьми в ходе своих меняющихся жизненных практик.



Нечто подобное попытался сделать еще Фернан Бродель, но как историк, идеограф-интерпретатор. Том за томом, глава за главой, этаж за этажом он фиксирует поверх привычных контуров Средиземноморья тысячи вспышек исторического времени (*les milliers d'éclatements du temps de l'histoire*) самого разного свойства – и прорисовывается картина Средиземноморского мира. В общеметодологическом плане данный феномен соответствует типу *мир-экономик* (*économie-monde*): "*Мир-экономика* (выражение неожиданное и плохо воспринимаемое французским языком, которое я некогда придумал за неимением лучшего и не слишком согласуясь с логикой, дабы передать одно из частных употреблений немецкого слова *Weltwirtschaft* – 'мировое хозяйство') затрагивает лишь часть Вселенной, экономически самостоятельный кусок (*morceau*) планеты, способный в основном быть самодостаточным (*capable pour l'essentiel de se suffire à lui-même*), такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство (*une certaine unité organique*)... Например, давным-давно я изучал Средиземноморье XVI в. как *Welttheater* или *Weltwirtschaft* – '*мир-театр*', '*мир-экономику*'" [Brodel 1949: 325, 328 sq.]. Бродель понимает под этим не только само море, но и все то, что на более или менее удаленном расстоянии от его берегов приводилось в движение жизнью обменов. В общем, некий мир в себе, некую целостность [Бродель 2007: 2; Brodel 1979: 14].

Стейн Роккан избирает иной подход – аналитический и компаративистский. На заполненной электоральной статистикой контурной карте Европы он чертит линии размежеваний. Ретроспективно отступая, исследователь выявляет новые размежевания, но уже концептуальные, образованные парами контрастных понятий: капитал – труд, город – село, центр – периферия, государство – церковь. Эти новые контуры размежеваний-кливажей вписываются уже в иные территориальные границы прежних времен. Возникающая сеть, в свою очередь, вписывается в контуры содержательных географических членений: береговых линий, водоразделов, климатических зон. В результате размежевания-кливажи прихотливо дробятся и множатся, изгибаются и пресекаются.

А при дальнейшей детализации проступают совсем уж непривычные разграничения, совершено непохожие на привычные границы нашего времени. Это разного рода пограничья и пределы. В первую очередь – рейнскоальпийский лимес Римской империи. Роккан делает это пограничье Средиземноморского мира двухтысячелетней давности исходным ориентиром для построения своей концептуальной карты Европы. Однако теперь она прорисовывается уже в противоположном направлении, не ретроспективном, а проспективном, в мысленном движении, обращенном вперед к нашим временам [Ильин, Барсукова 2019].

Пространственные и временные рамки концептуальной карты Европы четко зафиксированы. Это позволяет точнее и адекватнее вписать в нее разного рода размежевания и полярности. В конечном счете роккановская карта (впрочем, как и броделевское полотно) остается плоской, пусть даже многомерной, многоцветной и изменчивой во времени. Следующим шагом могло бы стать придание многослойной изменчивости, намеченной Броделем и Рокканом, более сложной динамической конфигурации [там же]. Этому может помочь еще одна важная новация – предложенный новым регионализмом учет глобальных факторов.



**Новый регионализм**. В регионоведении выражение “новый регионализм” (*new regionalism*) мелькает уже несколько десятилетий. Однако действительно новыми с точки зрения включения темпорального измерения стали новации Бьорна Хеттне и Фредрика Сёдербаума, предложивших теорию нового регионализма (*new regionalism theory*). Под этим названием они понимают прежде всего свой собственный исследовательский подход, но также особые практики, организационные установки и идейные устремления, характерные для нынешней фазы регионализации. Сама же регионализация характеризуется нарастанием качеств регионности (*regionness*), или региональной консолидированности. Уровни регионности отражают поэтапное превращение географического пространства (*geographic area, proto-region, pre-regional zone*) как пассивного объекта через ряд промежуточных стадий – региональный комплекс (*regional complex*), региональное сообщество (*regional society*), региональная общность (*regional community*) – в “активный субъект, способный выражать транснациональные интересы формирующегося региона” (*an active subject capable of articulating the transnational interests of the emerging region*) [Hettne, Söderbaum 2000: 461]. Эта новейшая стадия именуется ими также регионом-состоянием (*region-state*): “Конечным (*ultimate*) итогом может стать регион-состояние, который в терминах охвата и культурной разнородности можно сравнивать с классическими империями” [ibid.: 467].

При всей методологической продвинутости нового регионализма его линейность и схематизм плохо вяжутся с современными эволюционными подходами, а тем более с фактической динамикой регионов мира. В терминах уровней консолидации на деле происходят скорее пульсации с накоплением наследия. Новый регионализм стимулировал регионоведческие исследования за счет акцентирования темпоральной составляющей, но не увязал изучение регионов с эволюционными подходами. Регионы по-прежнему конструируются как феномены пространства, нанизанные на архаичную ось времени. Они не воспринимаются как живые пульсирующие и развертывающиеся явления пространства-времени.

**Перспективы обновления регионалистики**. Потребность в таком обновлении стала проясняться по мере развертывания наших исследований Большого Средиземноморья. Замысел этого проекта стал обсуждаться и был заявлен в 2017 г., сами исследования начались на следующий год, и только в последние два-три года начали появляться первые публикации. Методологически наш проект остается все еще разнородным, однако его интегратором способен стать предлагаемый в данной статье подход. Он нацелен на последовательное развертывание междисциплинарного описания и интерпретации фактуры, ее эмпирического сравнительного анализа, смещения познавательных усилий из области метафор в область более или менее формально описываемых алгоритмов и процедур. Главная же новация заключается в учете временных параметров. Эти параметры не просто механически добавляются в виде единственной и однонаправленной одномерной оси к уже освоенным пространственным параметрам, как это происходит при расширении методологического потенциала нового регионализма, а интегрально увязываются в единый комплекс пространства-времени.



Предлагаемый методологический подход исходит из понимания региона, да и всякого пространственно-временного образования как месторазвития, соединяющего земные (гео- и биосферные) миры [Ретеюм 1988] с человеческими мирами, социальными и геополитическими порядками [Ильин 2019: 332-326] в едином пространстве-времени на разных уровнях и в разных масштабах от глобальных, континентальных и средиземноморских [Чихарев 2021a, 2021b] до региональных, страновых и локальных вплоть до малых урочищ. Более мелкие месторазвития включаются в более крупные, образуя прихотливую фрактальную структуру. На разных ее уровнях прослеживаются сходные конфигурации, что позволяет проследить воспроизводство в разных пространствах и временах фрактального самоподобия. Наиболее типичны круговые и кольцевые структуры, подобные геоиду нашей планеты [Ильин 2011]. Их фрактальное копирование и развертывание ведет к образованию подобных, но совпадающих конфигураций, например многоугольников, вписываемых в окружности. Воздействие космических и геологических факторов с одной стороны, а человеческий воли и разума – с другой ведет ко все большему разнообразию конфигураций.

Дальнейшее методологическое развертывание принципа фрактального самоподобия – крайне эвристичного средства познания – вкупе с разработкой соответствующих приемов и техник заслуживает особого внимания. Изучение фрактальных самоподобий позволяет прослеживать и учитывать накопление комплексного наследия, которое, в свою очередь, является не только резуль-

татом, но и источником развития. Темпоральные измерения и траектории развития при этом – нелинейные и множественные, а не линейные и одиночные, как в новом регионализме. Значима не только нынешняя предельная и конечная (*ultimate*) точка зрения и уровень развитости, как в новом регионализме, но вся накопленная плотность наследия.

Ключевым является эволюционный поворот. Разумеется, необходимо использование широкого набора методов и приемов эволюционной морфологии. Точно так же уместно применение даже совершенно специальных методов и методик для вспомогательных целей и ограниченных задач. Вполне естественно использование институционального анализа конкретных обстоятельств экономической или политической деятельности отдельных акторов или организаций. Можно применять общую или специальную морфологию для анализа отдельных социальных или культурных форм. Однако всякое замыкание и выпячивание специфических методов мгновенно приведет к утрате методологических преимуществ предлагаемого нами синергетического подхода.

## Три перспективных подхода к изучению Большого Средиземноморья

Наш методологический подход позволяет изучать не только интегральную эволюцию пульсирующего и расширяющегося регионального пространства-времени, но и его отдельные слои и параметры. Подобный взгляд отнюдь не исключает, более того – предполагает, использование развернутого в истории или даже в эволюции "фильма", состоящего из отдельных "кадров", своего рода "моментальных снимков" событий и явлений, но при этом не сводится к ним. Точно так же исторические срезы, или "шурфы во времени", превращаются в важное измерение единого пространственно-временного анализа. Более того, можно предложить и использовать объединяющие пространство и время модели типа дерева событий.



Среди множества исследовательских подходов и способов анализа в качестве наиболее подходящих для изучения Большого Средиземноморья выделим три. Чтобы представить их наглядно, удобно использовать несколько методологических метафор, которые при дальнейшем развитии можно превратить во вполне инструментальные модели представления исторических регионов как эволюционных феноменов. За этими метафорами – три подхода, или способа, представить и понять меняющийся в пространстве-времени феномен создания и развития человеческих миров для освоения земных миров.

**"Шурф во времени"**. Первый подход предполагает зондирование из точки или сегмента пространства во времени (аналог – археологический шурф). Пространство неизменно, это точка отсчета, а время меняется, варьируется и максимально систематически прослеживается. Метафора "шурф во времени" взята из геологии и археологии. Шурф есть локализованный в пространстве срез времени, представленный в форме последовательности исторических пластов. За счет реконструкции найденных в пластах следов – событий можно получить представление о пучках связей, характеризующих развитие региона.

Шурф – это инструмент разведки. Он плохо подходит для создания завершенных теоретических конструкций и полноценных обобщений, касающихся эволюции всего региона, но он хорош для первоначальных поисковых иссле-

дований в области эволюционного регионоведения и формулировки гипотез. Важным для эффективности разведки (как, впрочем, в геологии и археологии) является выбор места. Если речь идет об изучении исторической области, то выбор этого места определяется тем специфическим исследовательским вопросом, на который мы пытаемся найти ответ. Однако в наиболее общем смысле выбор зависит от одной из двух стратегий сравнительного анализа – стратегии наибольших сходств или стратегии наибольших различий. Это может быть место либо наиболее "типичное", либо наиболее "нетипичное", но тем не менее исторически ассоциируемое с данным регионом. Разведка, таким образом, фиксирует либо наиболее полную последовательность типичных сюжетов регионального развития, либо эвристически ценные отклонения от нее. Шурф фиксирует место, распространяясь по времени до тех пор, пока не натыкается на временные границы региона.

Например, можно фокусировать внимание на одной местности, скажем Гераклейском полуострове или даже на одной Карантинной бухте, но расширять временной охват от каменного века до наших дней. При этом, естественно, ключевое значение приобретут некоторые исторические события, например создание греческой колонии Херсонес, Корсунский поход и Крещение Руси, основание Севастополя, Крымская война и первая оборона Севастополя, Русский исход, оборона Севастополя в Великой Отечественной войне, Крымская конференция, "Крымская весна" и т.п.

**Моментальный снимок**. Другой подход предполагает осуществление проекции на пространства временного среза. Аналогом может быть фиксированная во времени карта, моментальный снимок, живая фотография. Время неизменно. Это точка отсчета, а пространство меняется, варьируется и максимально систематически прослеживается.



Предлагаемая метафора моментального снимка (зафиксированного во времени среза пространства региона, запечатлевающего следы эволюционной динамики) – в известном смысле антитеза шурфу. В отличие от стандартной исторической карты, моментальный снимок представляет собой не статичное изображение региона в какой-то момент времени, а скорее карту, сфокусированную на какой-то временной ориентир, одновременно идущих, связанных и не связанных процессов, каждый из которых имеет свою логику и глубину. Назначение данного метода – фиксация актуальных для того или иного промежутка времени региональных и локальных процессов, систематизация сходств и отличий в их протекании, получение карты связей внутри региона, определение его эволюционных границ на данном отрезке времени и выявление взаимосвязей региона как системы и ее окружающей среды. Здесь уместно использование аппарата пространственного моделирования [Окунев 2020; Окунев, Захарова 2022].

Сам по себе моментальный снимок пространства в некий момент времени обладает ограниченной эвристической ценностью. Он позволяет описать "физиологию" региона на каком-то этапе его эволюции. Но уже серия таких моментальных снимков, подобно методу томографии, позволяет зафиксировать сам процесс эволюции региона, прежде всего эволюции его морфологии, что создает предпосылки для более комплексных эволюционных обобщений и постановки вопросов о причинно-следственных связях в эволюции региона.

Можно, например, охватить все Большое Средиземноморье, расширив пространственный горизонт, но временной сфокусировать на одном годе.

Так сделал И.В. Можейко, выбрав 1185 г. (Игорев поход) и проследив, что происходило от Японии до Европы [Можейко 1989].

**Дерево событий**. Возможно, наконец, двойное развертывание локализованного момента анализа или, типично, события и в пространстве, и во времени. Такое сложное многократное и многомерное развертывание потребует не просто нескольких, но многих исследовательских процедур, да к тому же еще разномасштабных и разнохарактерных. В этом случае прослеживаются все линии, с одной стороны, ведущие к событию, а с другой – исходящие из события (аналог – растение с корневой системой и кроной, дерево, Мировое древо). Неизменная точка отсчета – событие, а варьируемые переменные – характеристики события относительно как прошлого, так и будущего.

Если в первом случае точкой фиксации было пространство, во втором случае – время, то в рамках этого исследовательского приема такой точкой является значимое для судьбы региона историческое событие. Суть исследовательского действия в этом третьем случае заключается в выстраивании максимально глубоких "корней" (цепочек причин и предпосылок) данного события и максимально разветвленной "кроны" (графа его последствий), локализованных в пространстве и во времени. Цель такого анализа – вскрытие узлов эволюции региона, поиск механики взаимодействия разного рода региональных факторов в цепочках эволюционных изменений. Накопление и сопоставление таких "деревьев" позволяет фиксировать логику эволюционных изменений и механизмов взаимодействия между собой на микроуровне различных региональных факторов (ландшафт, климат, историческая память, демографических и социокультурных особенностей и т.д.).



В совокупности три этих исследовательских приема позволяют решать задачи пространственно-временного анализа, необходимого для изучения исторических регионов. Их объединяет связь пространственных и временных параметров региона и наличие операции локализации, т.е. фиксации какого-то из параметров (пространства, времени либо события) и расширенного анализа незафиксированных параметров. Такая локализация необходима для решения задачи методологического упрощения.

При этом важно понимать, что описанными тремя исследовательскими ходами пространственно-временной анализ не исчерпывается. Значение подобных приемов может быть понято только в сопоставлении с "фронтальными" методами анализа исторических регионов, которые сегодня могут сделать шаг вперед благодаря технологиям больших данных и искусственного интеллекта. Фактически речь идет о возможности создания цифрового двойника исторического региона (например, Большого Средиземноморья, эволюционирующего во времени), который включит в себя обширный корпус сведений об исторических событиях, эволюции ландшафта, экологических систем, климата, о демографических процессах, экономике региона в исторической перспективе. Обработка больших массивов данных с помощью искусственного интеллекта дает новые возможности, однако для качественного понимания и интерпретации результатов обработки больших данных нужны именно качественные методы пространственно-временного анализа.

Совмещение в эволюционном регионоведении первой и второй групп методов может стать основой для прорыва в этой междисциплинарной области науки, позволяющего уловить пространственно-временную динамику различных регионов мира.

**Изменчивое пространство-время Большого Средиземноморья**

**Пространство**. Традиционно в регионоведении интерфейсом, или "мостом", для междисциплинарного анализа и синтеза служат инструменты пространственного анализа – прежде всего разного рода комплексные карты, на которых фиксируются области событий и процессов из разных "пластов". Наложение физических, исторических, экономических, социальных, культурных, политических и иных карт дает основания для изучения межпластовых связей, например в виде проверки гипотез о непрерывности исторического и даже эволюционного наследования.

В практическом плане даже в рамках чисто пространственного анализа возможно наращивание размерности и плотности исследуемой поверхности планеты и ее отдельных регионов. В том числе и за счет учета следов, оставленных прежними поколениями.

**Пространство и время**. Концентрация на пространственных категориях имеет, однако, побочный эффект – нивелирование категорий времени в анализе. Между тем любая историческая область, а тем более такой расширенный эволюционный ареал или современный макрорегион, как Большое Средиземноморье, есть явление историческое и эволюционное. Подобные ареалы складываются из мириад актов человеческой деятельности в определенных географических условиях, закрепляются в сериях пространственных паттернов, которые затем воспроизводятся и рефлексируются во времени, меняют свои границы и диссоциируют. Нам может показаться, что они исчезают, "умирают". Однако они оставляют не просто зыбкие воспоминания, с которым ныне живущие никак себя не ассоциируют, а вполне действенную историческую память, т.е. культурную или языковую программу эволюционного наследования. Различие именно в этом. Одна и та же пространственная фактура может трактоваться лишь как след прошлого, а может стать основой реконструкции программы эволюционного наследования.

Возможно, иногда регионы возрождаются, либо следуют попытки их возрождения с опорой на региональные мифы. В этом смысле любой современный регион вкупе с основой из исторических областей и эволюционных ареалов – это не просто совокупность наложенных друг на друга карт (моментальных снимков), но скорее эволюционирующий пространственно-временной феномен, пронизанный темпоральными связями (шурфами во времени).

**Пространство-время**. Возникает необходимость различения двух контрастных типов научных подходов к пространственным феноменам и к самим предметам изучения. С одной стороны, это традиционный регионализм, редуцирующий пространство-время существования изучаемых феноменов и тем самым собственно предмет изучения до наиболее заметных и значимых здесь и сейчас явлений. С другой стороны, предлагаемая нами новая регионалистика. Ее суть заключается в максимально возможном учете пространственно-временной плотности изучаемого комплексного ареала в его динамике и меняющихся конфигурациях.

Такое понимание комплексных ареалов, или насыщенных регионов, ставит вопрос о разработке адекватных ему моделей междисциплинарного анализа и синтеза, включающих в себя категории не только пространства, но и времени. Методологическая проблема заключается в том, что мыслить одновременно в пространственных и временных категориях чрезвычайно затруднительно

и требует крайней, а порой и запредельной аналитической изощренности. Операционально такая усложненность зачастую не приближает, а удаляет нас от выделения ключевых связей, характеризующих специфику конкретного региона, особенности его исторического и эволюционного развития.

Методологический ход есть всегда некоторое упрощение, связанное с вычленением по некоторым ключевым параметрам из многообразного объекта (феномена) изучения идеально сконструированных предметов исследования, моделей объекта. Для решения наших методологических задач предпочтительно сочетать как пространственные, так и темпоральные параметры моделирования. Сами же модели следует настраивать на использование потенциала для методологического упрощения, но в то же время оставлять их открытыми для максимально возможного усложнения, например, в виде уже упоминавшихся наложений различных пластов изучаемых феноменов.

Большое Средиземноморье – это не фиксированное четкими границами пространство в заданный момент или сегмент времени, а динамический феномен длительности (*durée*) безгранично расширяющегося (выходящего из себя) и сжимающегося (углубляющегося в себя) единого пространства-времени. Это явление планетарного масштаба, возникшее при образовании ее нынешнего облика в процессе замыкания океана Тетис. Разумеется, для нас (и человечества) это явление значимо примерно с момента появления в этом пространстве-времени людей. Но иметь в виду его прежние состояния крайне полезно аналитически. Они многое нам могут подсказать. Если мы выберем началом своего анализа Великий скачок антропогенеза (примерно 40-50 тыс. лет назад), неолитическую, а затем и городскую революцию (8-12 тыс. лет назад), Черноморский потоп (около 7 тыс. лет назад), возникновение современных языковых семей (5-6 тыс. лет назад), формирование цивилизаций и империй (4-5 тыс. лет назад), кризис бронзового века (более 3 тыс. лет назад), появление мировых религий и концепции осевого времени (более 2 тыс. лет назад), основание зачатков современных хозяйственных порядков, государств или их международных систем (5 столетий назад), организацию современной науки и техники (2-3 века назад), создание электронных средств коммуникаций (30-150 лет назад), то пульсации полузастылости накопленного наследия явят нам разные, порой непохожие на прежние и последующие конфигурации пространственно-временных феноменов. Пространство-время то расширится вовне, то сожмется и уплотнится внутри себя.



Предшествующие состояния сохранятся не просто как следы, но как живая и действенная основа наслоившихся на них новых образований. Разумеется, для аналитического удобства эти прежние состояния порой будут отсечены, но историческое и даже эволюционное наследие не только сохранится, а усложнится и усилит свою совокупную действенность (*agency*). В ходе исследования в случае необходимости прежние или более темпорально глубокие состояния могут быть возвращены в случае их фактической значимости.

Выделение подобного совершенно нового предмета исследования является теоретико-методологической новацией. Она заключается в использовании различных по масштабу и характеру горизонтов познания. Можно расширять пространственно-временной горизонт, а можно сужать, меняя фокусировку. Тем самым мы обретаем возможность перемещаться по броделевским срезам истории (*nappe d'histoire*). Вместо апелляции к почти мистической глубине

или полузастылости уже сейчас можно использовать геохронополитические подходы, а главное симплекс – комплекс преобразования фактуры пространства-времени.

В привычном повседневном восприятии изменчивость предстает как череда состояний, удерживаемых в поле зрения или мысленного видения. Каждое состояние более или менее равноправно и равнозначимо, а вся шкала состояний градуалистична, равномерна.

В историческом восприятии фиксируемые состояния не равнозначны и не равноправны, а образуют кластеры исторических событий. Какие-то связаны с их возникновением, какие-то с центральными моментами истины, а какие-то их завершают. Здесь господствует логика сальтаций, скачков. Однако главное – анализ не столько отдельных минимальных единиц-событий, сколько логики соотношения событий во времени, т.е. исторических процессов и трендов развития.

Наконец, в эволюционном восприятии уже исторические процессы сворачиваются в единицы эволюционного анализа, эволюционные состояния. В свою очередь, эти состояния и логика соотношений между ними образуют эволюционные процессы. Скажем, классический труд о глобализации как эволюционном процессе [Modelski, Devezas, Thompson 2008] показывает, какие структуры модернизации и глобализации обобщают прихотливые колебания крайне пестрых исторических трендов развития на протяжении по меньшей мере последней тысячи лет.



Крайне важно, что за пределами повседневности, т.е. и в истории, и в эволюции, происходит накопление, первоначально возникших единиц и их объединение в более крупные. Тем самым прошлое “упаковывается”, по Гегелю – снимается и сохраняется. А последнее крайне важно для изучения Большого Средиземноморья. Скажем, такие недавние явления, как Русский исход 1920 г., Крымская конференция 1945 г., Суэцкий кризис 1956 г., Шестидневная война 1967 г., обычно анализируются в крайне наглядном и минимально необходимом темпоральном режиме конкретных лет, дней и даже часов непосредственно фиксируемых действий политиков и граждан. Однако для более основательного понимания смысла этих событий может оказаться крайне желательно выяснить, что в них было “упаковано” из истории и эволюции и как затем сказалось в череде последующих событий и трендов развития. Или, наоборот, исследовательская задача может потребовать изучения того, куда и как “упаковалось” взятие Константинополя крестоносцами в 1204 г. или Сицилийская вечерня 1282 г., как эти события сказались на более поздних исторических событиях или в эволюционных сдвигах, например, на судьбах христианства или в пресловутом “столкновении цивилизаций” в одном случае, а в другом – на различиях региональных субкультур Италии или феномене сицилийской мафии не только на самой Сицилии, но и в ее экспортном варианте в Северной Америке.

## Место конкретных политических исследований в изучении Большого Средиземноморья

Перефокусировку можно делать либо без жесткой связи между пространственными и временными параметрами, либо при сохранении этих связей. Это позволяет осуществлять вполне конкретные в дисциплинарном и проблемном

отношении политические исследования. Вот лишь несколько примеров в диапазоне от отдельной территориально-административной единицы до отдельных государств, региональных коллизий и крупных геополитических систем.

**Политическое самоопределение Крыма** уже стало предметом многочисленных исследований. Обычно и привычно они начинаются с событий "Крымской весны" в Севастополе и в Крыму в целом или с майдана рубежа 2013 и 2014 гг. Однако использование такого испытанного инструмента политической науки, как воронка причинности, требует учета незаметных и слабых, но постоянных факторов причинности. Вкупе они создают мощный фон, который существенно корректирует и даже отчасти задает сильную, но краткосрочную причинность текущих политических решений.

Решительное утверждение севастопольцами своей воли можно и нужно возводить к наследию полисной самостоятельности, о которой каждому напоминает древний город Херсонес. Не менее значимо для всего Крыма наследие Пантикопея и Боспорского царства, многих исторических событий, определивших цивилизационно-культурный профиль региона. Нельзя не учесть весь комплекс исторических обстоятельств, вынудивших Шахин-Гирея отречься от престола и открыть путь для присоединения к России. Крайне важны последующие моменты истории Крыма, включающие две героические обороны Севастополя, а также события постсоветского периода, отмеченные постоянными попытками самоопределения Республики Крым.

**Государственное строительство Федерации Боснии и Герцеговины** невозможно свести, как порой это пытаются делать, лишь к результату Дейтонских соглашений. Народная, ставшая затем социалистической республика Босния и Герцеговина в составе Югославии как раз и была исходным государственным образованием, которое после жестокой гражданской войны в крайне компромиссной и зыбкой форме было восстановлено в Дейтоне. Что же до югославской республики Босния и Герцеговина, то она была сформирована с учетом сложных и запутанных геополитических размежеваний, восходящих еще к доримским временам. При этом учитывались этнокультурные размежевания и историко-географические разделения. Собственно же Герцеговина стала особой южной географической зоной древней Боснии только в XV столетии. Как бы то ни было, десятки весьма автономных горных сообществ на боснийских пространствах крайне противоречивым образом связаны с окружающими их странами и народами Балканского полуострова. Все они вместе оказались, как это удачно сформулировали Я.В. Вишняков и П.Е. Смирнова, авторы статьи в текущем номере журнала, "между крестом и полумесяцем" [Вишняков, Смирнова, 2022]. Учет только бегло упомянутых факторов подтверждает, что нынешняя государственная форма является крайне компромиссной и искусственной. Ее ожидают дальнейшие трансформации при всем том, что нынешний компромисс включает и ряд ценнейших решений и находок, которые могут и должны быть успешно использованы.

**Послевоенная реконструкция на Украине** пока что является лишь перспективой для будущих политических исследований. Однако уже сейчас можно с уверенностью сказать, что их осуществление потребует использования предложенной в данной статье методологии нового регионоведения. Как бы то ни было, учет времен и пространств политики Балто-Черноморья [Ильин, Мелешкина 2010] позволяет придать глубину и основательность политическому анализу самых разных аспектов послевоенной реконструкции на Украине и во всем ее окружении. А уж включение широко трактуемых факторов

политической модернизации и глобализации немыслимо без принятия во внимание целостной рамки Большого Средиземноморья.

DOI: 10.17976/jpps/2022.03.02

# CHALLENGES AND PROSPECTS OF STUDY OF THE GREATER MEDITERRANEAN

**M.V. Ilyin[1, 2, 3], V.D. Nechaev[4]**

[1] *Institute of Scientific Information for Social Sciences. Moscow, Russia*

[2] *HSE University. Moscow, Russia*

[3] *MGIMO University. Moscow, Russia*

[4] *Sevastopol State University. Sevastopol, Russia*

**ILYIN, Mikhail Vasilyevich**, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Head of the Center for Advanced Methodologies of Social and Humanitarian Research, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Professor, HSE University; Professor, MGIMO University, email: mikhaililyin48@gmail.com; **NECHAEV, Vladimir Dmitrievich**, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Rector, Sevastopol State University, email: vdnechaev@rambler.ru

Ilyin, M.V., & Nechaev, V.D. (2022). Challenges and prospects of study of the Greater Mediterranean. *Polis. Political Studies,* 3, 8-23. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.02

**Acknowledgements.** The work was carried out within the framework of the State Assignment of INION RAS.

*Received: 08.12.2021. Accepted: 28.02.2022*

**Abstract**. The article introduces and substantiates an interdisciplinary evolutionary approach to the study of pulsating and expanding spatiotemporal phenomena of social development or evolving localities (mestorazvitia, месторазвития) in the study of the Greater Mediterranean. The authors analyze the ways to combine spatial and temporal moments of regional studies that after the Braudelean turn developed in world-system analysis, with Rokkanean conceptual mapping and new regionalism in order to consequentially deploy their own mode of regionalistics vis-a-vis the Greater Mediterranean. The authors advance the principles of fractal self-similarity to study regions as a key variety of terrestrial worlds of the Anthropocene epoch, similar on the one hand to planetary spheres, and on the other hand to minor evolving localities. This methodology allows us to study not only the integral evolution of a pulsating and expanding regional space-time, but also its individual layers and parameters. In particular, the authors present three possible analytical projections of an integral space-time phenomenon: a shaft in time, a snapshot, and a tree of events. The article concludes with a review of the possibilities of using the concept of the Greater Mediterranean and the methodology of the new regionalistics in specific political research projects, including the political self-determination of Crimea, state-building in the Federation of Bosnia and Herzegovina, and post-war reconstruction in Ukraine.

**Keywords**: Greater Mediterranean, Braudel, the Mediterranean (*la Méditerranée*), the Mediterranean world (*le Monde méditerranéen*) world-system analysis, conceptual mapping, new regionalism, new regionalistics, evolutionary approach, space-time, fractal, terrestrial worlds, geosphere, biosphere, anthroposphere, evolving localities (mestorazvitia, месторазвития), a shaft in time, a snapshot, a tree of events.



## References

Brodel, F. (1949). La Méditerranée et le Monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. Paris: Librarie Armand Colin.

Braudel, F. (1967). La Méditerranée et le Monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. 2e éd., t. 2. Paris: Librarie Armand Colin.

Braudel, F. (1969). Ecrits sur l'histoire. Paris: Flammarion.

Brodel, F. (1979). Civilisation matérielle, économie et capitalisme XVe-XVIIIe siècle. T. 3. Paris: Librarie Armand Colin.

Hettne, B., & Söderbaum, F. (2000). Theorising the rise of regionness. *New Political Economy*, *5*(3), 457-472. https://doi.org/10.1080/713687778

Modelski, G., Devezas, T., & Thompson, W.R. (2007). Globalization as evolutionary process. London: Routledge.

Rokkan, S. (1975). Dimensions of state formation and nation-building: a possible paradigm for research on variations within Europe. In Ch. Tilly (Ed.), *The Formation of National States in Western Europe* (pp. 562-600). Princeton: Princeton University Press.

Rokkan, S. (1980). Territories, centres, and peripheries: toward a geoethnic-geoeconomic-geopolitical model of differentiation within Western Europe. In J. Gottmann (Ed.), *Centre and Periphery: Spatial Variation in Politics* (pp. 163-204). Beverly Hills: Sage.

Rokkan, S. (1999). The territorial structuring of Europe. In P. Flora, S. Kuhnle, D. Urwin (Ed.), *State Formation, Nation-Building, and Mass Politics in Europe. The Theory of Stein Rokkan Based on His Collected Works* (pp. 149-152). Oxford: Oxford University Press.

Tilly, Ch. (1984). Rokkan's "Conceptual Maps of Europe". In Tilly Ch. *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons* (pp. 131-138). New York, NY: Russell Sage Foundation.

Chikharev, I.A. (2021a). The Great Mediterranean as a multi-dimensional object of political research. *Polis. Political Studies*, 3, 129-146. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.09

Chikharev, I.A. (2021b). Russia in Greater Mediterranean: new pacific Eurasian transition. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 441-458. (In Russ.) https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-441-458

Ilyin, M.V. (2011). Annular model of the global geopolitical expanse. *Polis. Political Studies*, 2, 129-133. (In Russ.) https://www.politstudies.ru/en/article/4402

Ilyin, M.V. (2019). Morphology of geopolitical spaces. In *Questions of Geography*, 149 (pp. 322-355). Moscow: Codex. (In Russ.)

Ilyin, M., & Barsukova A. (2019). Stein Rokkan's conceptual map of Europe development in space and time. *International Trends*, 17(4), 6-21. (In Russ.) http://dx.doi.org/10.17994/IT.2019.17.4.59.1

Ilyin, M., & Meleshkina, E.Yu. (2010). Balto-Chernomor'e: vremena i prostranstva politik [Baltic-Black Sea region: times and spaces of politics]. Kaliningrad: Immanuel Kant Russian State University Publ. (In Russ.)

Larsen, S.U. (1995). The modelling of Europe in S. Rokkan's logic. *Polis. Political Studies,* 1, 39-57. (In Russ.)

Mozheiko, I.V. (1989). 1185 year. East–West. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Nechaev, V.D., Chikharev, I.A., Irkhin, A.A., & Makovskaya, D.V. (2019). Framework of the geostrategic atlas of the Greater Mediterranean. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, 1, 67-74. (In Russ.)

Okunev, I.Yu. (2020). Osnovy prostranstvennogo analiza [Fundamentals of spatial analysis]. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Okunev, I.Yu., Zakharova, E.A. (2022). The Greater Mediterranean as macroregion: spatial analysis. *Polis. Political Studies,* 3, 24-37. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.03

Reteyum, A.Yu. (1988). Zemnye miry [Earth worlds]. Moscow: Mysl'.

Vishnyakov, Ya.V., Smirnova, P.E. (2022). Balkans: between the Cross and the Crescent. Polis. Political Studies. 3, 38-49. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.04



**Литература на русском языке**

Бродель Ф. 2007. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т.3. Время Мира*. М.: Весь Мир.

Вишняков Я.В., Смирнова П.Е. (2022) Балканы: между крестом и полумесяцем. *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 38-49. https://doi.org/10.17976/2022.03.04

Ильин М.В. 2011. Кольцевая модель глобального геополитического пространства. *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 129-133. https://www.politstudies.ru/article/4402

Ильин М.В. 2019. Морфология геополитических пространств. *Вопросы географии*. Сб. 149. М.: ИД Кодекс. С. 322-353.

Ильин М.В., Барсукова А.В. 2019. Концептуальная карта Европы Стейна Роккана. Развертывание в пространстве и времени. *Международные процессы*. Т. 17. № 4. С. 6-21. http://dx.doi.org/10.17994/IT.2019.17.4.59.1

Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. 2010. Балто-Черноморье: времена и пространства политики. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта.

Ларсен С.У. 1995. Моделирование Европы в логике Роккана. *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 39-57.

Можейко И.В. 1989. 1185 год. Восток – Запад. М.: Наука.

Нечаев В.Д., Чихарев И.А., Ирхин А.А., Маковская Д.В. 2019. Концепция геостратегического атласа Большого Средиземноморья. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*. № 1. С. 67-74.

Окунев И.Ю. 2020. Основы пространственного анализа. М.: Аспект Пресс.

Окунев И.Ю., Захарова Е.А. 2022. Большое Средиземноморье как макрорегион: опыт пространственного анализа. *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 24-37. https://doi.org/10.17976/2022.03.03

Ретеюм А.Ю. 1988. Земные миры. М.: Мысль.

Чихарев И.А. 2021a. Большое Средиземноморье как многомерный объект политических исследований. *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 129-146. https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.09

Чихарев И.А. 2021b. Россия в Большом Средиземноморье: новый тихоокеанско-европейский транзит. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 21. № 3. С. 441-458. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-441-458